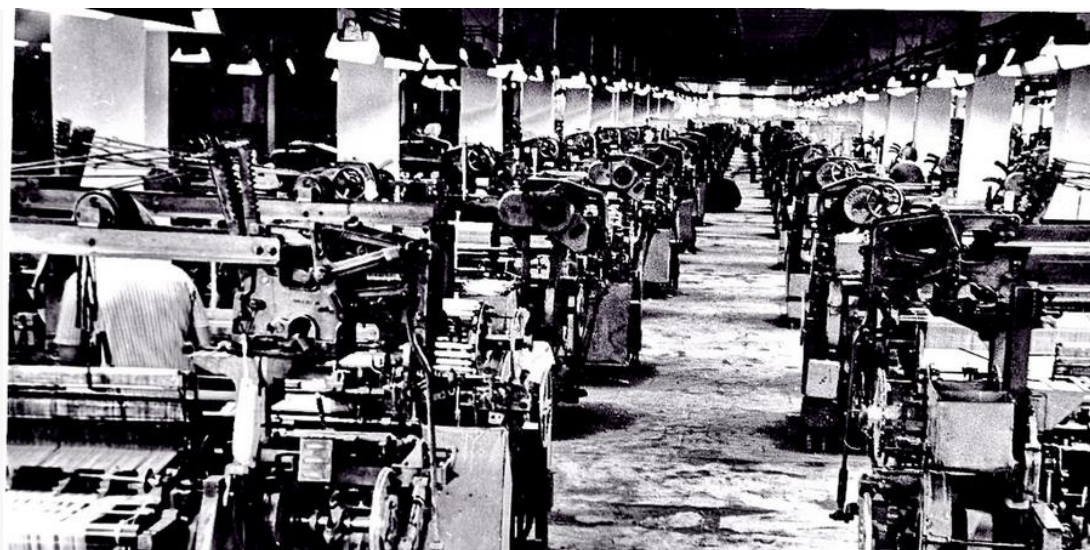

НЕЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ. ТРУДНЫЙ ШЁЛК

Киргизия, город Ош. Середина мая 1939 года...

После дождей, холода и ненастья к концу апреля в Оше потеплело. А после Первомайских праздников наступила жара, иногда ненадолго, обычно во второй половине дня прерываемая грозами и ливнями...

В реке Ак-Буура, которая делит город пополам, много грязной и холодной воды, которая шумит, как будто с гор скатывается с растаявшим снегом лёд. Ночью, когда после ливней воды становится больше, река ревет так, что её слышно очень далеко.

В городе, окружённом горами Памиро-Алая, дальние вершины которых почти всегда покрыты снегом, совсем недавно голые тополя, карагач и тутовник к середине мая стали уже зелёными, отцвели вишни, яблони, зреет урюк. Во дворах белеет жасмин, а возле парка по вечерам продают тюльпаны.

Сегодня с утра был солнечный день, а после обеда от резкого перепада давления и туч стало темнеть. Пыльная буря, пришедшая с запада, стала быстро двигаться к центру города, перебила стёкла в окнах, оставив в пыли деревья, цветы, дороги и тротуары, напугав прохожих, затихла за городом в адырах (холмах).

Вскоре на землю стали падать крупные капли дождя, от которых поднимались облака пыли. Начался сильный ливень, он шёл целый час, потом по крышам забарабанил град, из арыков поднялась вода, которая стала растекаться по тротуарам большими лужами. Но вот ливень закончился, выглянуло солнце, и к вечеру стало опять тепло, исчезли лужи...

Тёплая и тихая ночь опустилась над городом, шумит река Ак-Буура, где-то далеко, в западной стороне города, темнеет силуэт таинственной горы Сулейманки, названной так, как написано в истории города, в честь пророка Сулеймана, на небе желтеют звёзды и луна. Полночь, но во дворе очень светло, как будто летний вечер ещё не закончился, сегодня — полнолуние...

Фарида не спится. Завтра у неё первый рабочий день. Неделю назад Фарида окончила ФЗУ шёлкомотальной фабрики, и на торжественном собрании по этому поводу директор, вручая ей и другим девушкам свидетельства о получении квалификации мотальщиц, которые теперь на станках по особой технологии будут вырабатывать шёлковую нить из коконов тутового шелкопряда, торжественно сказал:

— Теперь вы дипломированные рабочие. Трудитесь на благо нашей Родины только хорошо и отлично!

Директор Рашид Сабинович Абдусаламов жил со своей семьёй в общежитии ФЗУ и, проверяя соблюдение курсантками режима, частенько заходил к ним в комнату и рассказывал им разные истории про шёлк.

Однажды Рашид Сабинович громко и торжественно объявил:

— В 1921 году Владимир Ильич Ленин подписал постановление, согласно которому, было образовано акционерное общество «Туркестанский шёлк», в Средней Азии были построены фабрики по выпуску шёлковой ткани, и теперь платья из шёлка сможете носить и вы, простые работницы, — вызвав при этом бурю аплодисментов.

Имя Ленина для вчерашних школьников в то время было связано со всеми важными делами государства, поэтому жизнь и деятельность Ленина для них были большим примером, будущие рабочие обещали всегда трудиться по-ленински.

После собрания девушкам не терпелось увидеть свои рабочие места, и они все вместе отправились на фабрику. Но в цех их не пустили, сказали, что завтра им выдадут пропуска и тогда, пожалуйста, приходите каждый день...

Занятия в ФЗУ Фарида очень нравились, изучали русский язык, математику, черчение, естествознание, обществоведение, технологию шёлка, особое внимание уделялось производственной работе на фабрике, то есть производственной практике.

При прохождении производственной практики в кокономотальном цеху учащиеся наблюдали, как трудились стахановки. Они учили девушек азам своего нелёгкого труда. И девушки по их просьбе перевязывали оборванные шёлковые нити или бежали в весовую комнату, чтобы принести новые коконы.

Эти работницы в красных косынках были большим примером для курсанток не только в труде, но и в быту.

Фэззушницы купили такие же беретки, как у Шуры Кравченко, Кати Морозовой и других девушек, надевали их так же, высоко подняв края над головой, и если беретки пачкались, то стирали их белым туалетным мылом и сушили, натянув на трёхлитровую банку, иногда менялись, если цвет беретки надоедал...

Фарида жила с родителями в небольшом бараке, который находился вблизи фабрики, рядом с недавно посаженным сквером. За домом через дорогу сразу начинались холмы, на которых, как ласточкины гнёзда, прилепились разные кибитки и мазанки, в которых обитали в основном рабочие города. В это время в Оше большое внимание уделялось возведению предприятий, учреждений и школ. Жилья строилось мало. Рабочие жили в бараках или маленьких финских домиках.

Рядом с их небольшим домом недавно построили ещё один длинный фабричный барак, в котором поселились рабочие, специалисты и административные работники фабрики. В нём вместе с родителями жила одноклассница Фарида, и после уроков и домашних дел подружки часто собирались поболтать или поменяться книжками. Во дворе барака стоял большой столб, от которого по проводам шло электричество в квартиры, наверху на перекладине висел фонарь, который горел до поздней ночи. Фонарь был из жести и при сильном ветре раскачивался и скрипел. К Первому мая к столбу прибили красный флаг, и вместе с цветущей сиренью и маргаритками двор надолго оставался нарядным и праздничным...

Ещё в начале 1920-х годов, только что поженившиеся родители Фарида, Якуб и Рисолят, живущие тогда на сельской окраине Оша, услышав от соседей, что теперь в городе можно жить намного лучше, так как там стали строиться и открываться разные предприятия, магазины, лавки и требуются рабочие руки, уехали с насиженных мест.

В Оше Якуб нанялся на работу к татарину Акчуруну на его кондитерское предприятие, которое находилось возле небольшого рынка, который почему-то назывался «Пьянбазар».

Рисолят стала помогать по хозяйству в большом доме хозяина, который находился рядом.

В доме было много комнат, во дворе — большая сура и беседка, увитая розами, где отдыхали хозяева с гостями. Здесь росло множество красивых цветов, за которыми, как и за большим фруктовым садом, ухаживали специально нанятые работники. Рисолят с Якубом поселились в маленьком домике недалеко от хозяйского особняка.

Накануне Нового, 1922 года Алина, жена хозяина, была очень расстроена, что Рисолят, с которой она подружилась, не сможет помочь ей с гостями. Рисолят была на сносях, но незадолго до Нового года удачно разрешившись Фаридой, уже на следующий день вместе с другими работниками готовила дом к приёму гостей. Мыла окна и двери, вытаскивала на снег огромные ковры, перетряхивала матрасы и одеяла, стирала скатерти, перемывала посуду, пекла татарские пироги и чак-чак, готовила винегреты для гостей из Андижана.

Гостей на встречу Нового года приехало много, бесконечные повозки, коляски, фаэтоны с нарядными и весёлыми людьми заполнили всю проезжую часть дороги перед домом Акчурина, приглашённые музыканты несколько дней подряд извлекали из своих инструментов разные мелодии. Было очень шумно и весело, трещали бенгальские огни, на небе без конца взрывались разноцветные ракеты, собирая возле дома зевак и любопытных.

Это были времена НЭПа, который породил в Оше, как и по всей стране, множество небольших предприятий и новый класс собственников, которые по мере сил снабжали население продуктами, обувью и одеждой...

У Акчурина было много лавок в новом и старом городе, в которых продавались конфеты (подушечки), халва и нават (перетоплённый восточный сахар). Государство давало кредиты, налоги не душили собственников, дела продвигались, много товара сдавалось под реализацию мелким торговцам на базаре.

У хозяина кондитерской фабрики была большая страсть к лошадям и скачкам. Она и сгубила его. Во время соревнований, которые проходили за городом, его кобыла, испугавшись зрителей, неожиданно появившихся из-за деревьев, резко повернула назад, сбросив на землю седока, который страдал излишним весом. Сердце наездника от удара о землю не выдержало, и он умер в своём фаэтоне на руках друзей по дороге в больницу.

В Оше потом долго жалели о нелепой смерти этого молодого и предприимчивого капиталиста, так называли его в городе за смелые и нужные для города дела...

Конфетное производство после похорон Акчурина закрылось. А Рисолят с мужем вместе с другими работниками, поохав и поплавав, стали думать о том, как им жить дальше...

Старший брат Рисолят Усман работал на недавно открывшейся в Оше шёлкомотальной фабрике, там всегда требовались рабочие, предоставлялось жильё. Собрав свои пожитки, супруги с приёмным сыном Бахадыром и Фаридой, наняв повозку и сложив туда вещи, двинулись в юго-восточную часть города, где жизнь кипела ключом.

Шёл июнь 1929 года.

Возле большого серого корпуса фабрики, рядом с проходной, толпился народ, там были и женщины в паранджах. Мимо них по дороге к строящимся баракам, обдавая всех пылью, мчались телеги с камнем, лесом и другими стройматериалами.

На заборе фабрики прикреплены лозунги: «Ударным трудом снизим себестоимость продукции!», «Задачи 3-й пятилетки выполним досрочно!» На самом видном месте висел большой портрет Сталина.

В дверях проходной появился мужчина с бумагами в руках.

— Отдел кадров! Отдел кадров! — зашевелилась толпа.

— Так, тихо! — громко произнёс начальник отдела кадров Муслимов.

— Нам нужны нянечки в детские ясли, каменщики, медсестра, ученицы мотальщиц.

Услышав последнее, фигуры в паранджах радостно зашептались.

— Только в паранджах на работу не берём! — категорично заявил он.

— А где мужчины, — нам нельзя, — заволновались женщины.

— Можем взять нянечками в детские ясли, там мужчин нет, — пообещал Муслимов.

— А когда можно выходить на работу?

— В понедельник, — строго заключил он, — и без паранджи.

— Хорошо, хорошо, лишь бы не было мужчин, — радостно закивали женщины.

— А то нас свекровь будет ругать и не разрешит работать...

Потом Муслимов направил к бригадиру строителей ещё шестерых претендентов на работу. Желающих стать ученицами мотальщиц оказалось 12 человек, и он повёл их в свой кабинет, спросив стоящих около проходной Якуба и Рисолят с детьми, кого они ждут.

Усман, старший брат Рисолят, работал на фабрике завхозом и быстро вышел к родственникам, радуясь встречи с ними.

— Вещи ваши, — кивнул он в сторону повозки и, взяв на руки племянницу, вывел их к дороге, сказав, чтобы они шли к нему домой, полкомнаты для них уже освободили.

На фабрике пронзительно загудел гудок, это закончилась первая смена. Из ворот фабрики стали выходить рабочие, среди них много девушек и женщин в одинаковых красных косынках, они уважительно здоровались с Усманом. Рисолят толкала мужа в плечо:

— Вот, не задавайся, мой брат в авторитете...

Недалеко от фабрики, рядом со сквером, находились конюшня и навес для фазтонов, на которых ездило начальство. Якуб стал здесь работать конюхом и лично возил директора фабрики в город, если у него там были дела.

Иногда к его услугам прибегали женщины, у которых начинались роды, и Якуб отвозил рожениц в любое время суток в больницу, где было родильное отделение. А потом женщины с младенцами на руках приходили в конюшню отблагодарить конюха за помощь.

Рисолят не работала. Бахадыр и Фарида учились в школе. Жить они стали вместе с семьёй Усмана, а потом его послали на учёбу, после окончания которой он пошёл на повышение и получил новую квартиру в недавно отстроенном бараке...

На фабрике каждый день ранним утром, ровно в 5 часов, всех горожан будил первый гудок. Фабрика расширялась, число рабочих уже перевалило за тысячу. Зимой, весной, летом и осенью людские ручейки рабочих спешили к проходной. Открылся новый цех, так как привезли новые японские станки, в новом общежитии справили новоселье, в построенных бараках поселились главные специалисты, лучшие рабочие, стахановцы, работали детские ясли. Коллектив фабрики постоянно перевыполнял плановые задания, шёлковые нити, выработанные рабочими шелкомотальной фабрики, направлялись на шёлкоткацкие фабрики в разные города Советского Союза, на которых делали прекрасную ткань. Жизнь кипела...

Фарида после седьмого класса по совету дяди Усмана поступила в ФЗУ фабрики. Быстро пролетело время, завтра у неё первый рабочий день...

Фариде не спится. На улице поднялся ветер, небо заволочло тучами, за окнами стало совсем темно. Было слышно, как качались тополя и ревела Ак-Буура. Потом ветер стал ещё сильнее, за окнами забарабанил дождь, засверкали молнии, гремел гром, начался ливень.

Фонарь на столбе от ветра стал опять раскачиваться и вдруг сильно закрипел, а потом потух. Вдруг темноту ночи прервал женский крик, потом заплакали дети.

— В соседнем бараке что-то произошло, — подумала Фарида и прильнула к окну.

Из-за сильного дождя и страшной темноты ничего не было видно. С большим трудом она разглядела возле барака силуэт «чёрного ворона» и людей в тёмных плащах, которые привели к машине коренастого мужчину. Зашумел мотор, на «чёрном вороне» зажглись фары и осветили стоящих под дождём застывшую женщину с узелком в руке и возле неё трёх маленьких детей, и было слышно, как они плакали. Энкавэдэшники открыли фургон и вместе с арестованным сели в машину. Потом «ворон» быстро выехал на дорогу и, включив дальний свет, с большой скоростью скрылся вдалеке. Всё произошло мгновенно...

Обезумевшая женщина, придя в себя, не замечая плачущих и цепляющихся за неё детей, бросила узелок в арык и побежала за машиной. Следившие за всем этим из своих тёмных окон без света соседи еле остановили её, взяв за руки, повели в дом, усадили на койку и стали успокаивать.

Кто-то принёс валерьянку, кто-то зажжённую керосиновую лампу, послали за горячим чаем.

— Где мои дети? — тихо спросила женщина, увидев их, потеряла сознание...

А на улице хлестал дождь, было очень темно, ревела Ак-Буура, раскачивался и скрипел фонарь на столбе...

Таких арестов в последнее время было немало. Люди исчезали вместе с «чёрными воронами», и никто не знал за что. Ярлык врага народа мог получить любой сомневающийся в правоте какого-нибудь небольшого партийного начальства, во вредительстве могли обвинить, если выходил из строя какой-нибудь механизм или случалась авария в электросетях. Эти аресты были страшной трагедией для семьи, самое первое — лишение жилья и работы...

Наутро, ровно в 5 часов, как обычно, мощный гудок ворвался в тишину летнего города.

Ровно в 5 часов 50 минут загудел второй. Рабочий день начался...

Первый кокономотальный цех наполнился теплом и производственным шумом от двух сотен станков-тазов с коконами и горячей водой. «Изготовлено в Италии» было написано по-английски на металлической пластине, прикреплённой к боковой стенке каждого станка.

Работницы сосредоточенно работали, изредка переговариваясь. Сегодня в цех привели новых рабочих — выпускников ФЗУ. С цветами в руках вместе со своими мастерами производственного обучения они построились у стены цеха, смущённые, что для них устроили настоящий праздник. Стали подходить гости, родители.

Потом в цеху появилось руководство фабрики.

— Дзагнадзе, директор Дзагнадзе! — зашептались в строю.

— Главный инженер Пулария! Секретарь партячейки Поташников, — заойкали все.

Подошли ребята из духового оркестра и громким тушем сопровождали каждое выступление. А будущие мотальщицы и перевязывальщицы подарили своим любимым наставникам цветы и обещали трудиться по-стахановски.

Так начался первый трудовой день Фариды и её однокашников...

Первый кокономотальный цех разместился в большом с высоким потолком помещении, в котором в два ряда на всю длину выстроилось более 200 станков-тазов, заполненных горячей водой и коконами, и от них идёт пар. Возле каждого станка заправляют три работницы в длинных прорезиненных фартуках: запарщица, мотальщица и перевязывальщица. Руки у них всегда в горячей воде. Воду в тазах приходится часто менять, и поэтому пол в цеху всегда мокрый, под ногами у каждой работницы —

решетчатые деревянные подставки, которые во время генеральных уборок тщательно, несколько раз чистятся стёклышком, а потом промываются водой и сушатся до желтизны.

В тазах с горячей водой от пара, поступающего к каждому станку по гибкому шлангу от общего паропровода, плавают коконы, которые от тепла и вращающейся в тазу щётки начинают разбухать. В коконах полно пыли, мусора и клейковины шелкопряда, поэтому их несколько раз промывают. Грязная вода в тазах постоянно меняется на чистую, которая снова нагревается горячим паром до 48-50 градусов. В станок вмонтирован сосуд, который регулярно заполняется холодной водой, так называемый кармашек, в котором работницы ополаскивают руки, если вода в тазу очень горячая.

Меняя воду в тазу, запарщица каждый раз собирает коконы в небольшом с отверстиями на дне ковшике и часто подбрасывает их. Эта операция повторяется несколько раз.

Когда коконы доходят до кондиции, запарщица передаёт их в ковшике стоящей напротив мотальщице, которая бросает их в специальный сосуд, наполненный горячей водой, называемый ловителем. Здесь коконы от горячей воды ещё больше разбухают, и мотальщица, найдя в них концы шёлковой нити, через муфточки, находящиеся на подставке, закрепляет их к мотовилам, которые начинают вращаться.

Набухшие коконы начинают разматываться, и тонкие шёлковые нити с семи или восемью муфточек наматываются на одно вращающееся мотовило. Если нить оборвётся, то перевязывальщица должна быстро связать оборванные нити. И так до конца смены.

Сначала мотальщица обслуживала одну запарщицу, а перевязывальщица должна была следить за работой двух станков, после пересмотра норм и решения коллектива первого кокономотального цеха увеличить производительность труда мотальщица обслуживает трёх запарщиц, а одна перевязывальщица обслуживает шесть станков. Бригада состоит из десяти человек, перевязывальщица — бригадир, члены бригады — 6 мотальщиц и 3 запарщицы.

Работы много, только успевай. Много зависит от бригадира: какие коконы дадут, состояние станков, их ремонт, бывало, что пара не было или отключалось электричество, тогда были простои.

Если в тазу коконов не остаётся, то из весовой приносят наполненные коконами мешочки. За смену каждая мотальщица должна выработать не менее 950 граммов шёлковой нити, а это значит, надо обработать более трёх килограммов коконов. Но были и рекорды, когда мотальщицы получали за смену до 1 килограмма 200 граммов шёлка-сырца.

В некоторых бригадах производительность доходила до 160%. Неоднократно премированные передовые рабочие обеспечили производственные победы фабрики, так было сказано на недавнем общем собрании шёлкомотальной фабрики.

— Однако, — было отмечено в выступлениях парторга фабрики и главного технолога, — из-за текучести кадров, простоев, прогулов, низкого качества грены фабрика выполнила производственный план за этот год только на 96,7%, а не на все большевистские 100%.

— Показатели фабрики отображают работу руководства, — строго отметил приглашённый на собрание представитель горкома. — Не используются в борьбе за качество красные и чёрные доски, преимущественное питание и снабжение ударников труда и т. п. Партячейка и фабком (сменился за год 7 раз) редко обсуждают конкретные производственные вопросы фабрики. Не изжито до конца барское пренебрежение

бытовых и культурных нужд рабочих. Качество хлеба и обедов в столовых для рабочих низкое, меню однообразное. Не производится вовремя ремонт жилья рабочих и служащих за счёт фабрики. Бывшего фабкома Иванова редко видели на производстве, он не обеспечил на зиму рабочих овощами и углём. На фабрике не на должном уровне ведутся ликбез и партопрос, не выпускается газета. Достижения, имеющиеся на фабрике, организованы самими рабочими-ударниками, без участия профсоюза, — строго заключил он.

Много говорил он и об организаторах производства, требовал выгнать с фабрики проникших туда «врагов народа», вести большую борьбу с вредителями производства, быть бдительными и сразу сообщать о случаях вредительства и разных ненужных разговорах в органы НКВД и отделы горкома и окружкома партии. Обещал вернуться к этому разговору через неделю.

— За что арестовали поммастера Бахрамова? — крикнул кто-то.

На что горкомовец сквозь зубы прошипел:

— Кто сказал? Встать!

— Ответ на такой вопрос можно получить лично в отделе НКВД, — добавил он.

И ещё долго выяснял, кто мог задать такой вопрос...

Вообще-то работники горкома и окружкома очень любили посещать предприятия и проводить там собрания, к которым тщательно готовились, чтобы ясно и понятно говорить с представителями рабочего класса о текущем моменте, но не все находили с рабочими общий язык.

Между тем в тот день рабочие уходили с собрания довольные, так как фабричное руководство обещало улучшить работу по организации производства, борьбе с текучкой кадров, чаще проводить производственные совещания, чтобы выявить и устранить слабые звенья рабочего процесса, лучше пропагандировать опыт лучших ударников, систематически выполняющих количественные и качественные показатели. Кроме того, рабочие просили организовать работу по овладению новой техникой и подготовку ведущих инструкторов, сменных мастеров, особенно коренных национальностей через кружки технических знаний и многое другое.

Фабком обещал развернуть деятельность по самозаготовкам овощей и картошки на зиму, расширить имеющееся подсобное хозяйство — крольчатник и свиноферму.

Со своей стороны присутствующий на собрании представитель окружкома обещал помочь с решением вопроса о выделении фабрике двух автобусов для перевозки кадровых рабочих, живущих в старом городе, которые и в дождь и в снег пешком добирались на смену и со смены...

Но вот смена на фабрике заканчивается, и тогда готовые шёлковые нити работницы отнесут в так называемую шёлковую комнату, где их взвесят, проверят качество, результаты запишут в особый журнал учёта. Если потребуется, некоторые образцы проверят в лаборатории, а потом отправят на склад, там их расфасуют в небольшие пачки по 4 килограмма, которые потом разложат в кипы по 32 килограмма и отправят специальным рейсом в Москву, на фабрику «Красная роза», где соткут из этих нитей

крепдешин. После отбеливания, покраски и набивки эту прекрасную ткань отправят в торговые центры союзных республик или за рубеж.

Советский крепдешин давно пользовался большим спросом не только в нашей стране, но и у зарубежных модниц, за него платили золотом. Мало кто знал, что шёлковые нити для производства этой ткани делали тогда в маленьком киргизском городе Оше.

Между тем в союзном министерстве шёлкомотальной фабрики уделялось много внимания. Вкладывались большие средства в её модернизацию, уже начал действовать 2-й кокономотальный цех, в котором стали осваивать японские полуавтоматы...

От горячей воды, пара, работы станков, стука молотков и инструментов слесарей, сантехников, электриков, устраняющих неисправность, в цеху очень жарко и шумно. Раскрасневшиеся работницы ловко работают, изредка переговариваются, от пара руки у них становятся красными и иногда опухают так, что к концу смены очень трудно работать.

За производственный процесс в цеху отвечают поммастера, за каждым из которых закреплены 24 станка и 42 работницы. Мастер отвечает за работу всей смены, здесь всегда полно обслуживающего персонала — сантехников, слесарей, электриков, которые тут же должны устранить поломку в закреплённых станках...

К концу смены в цех заглядывает начальство фабрики: главный технолог, секретарь партячейки, главный инженер. Из-под чеканящего каждое слово начальника смены слышны слова: план, себестоимость, качество, сообразительства...

Часто меняется вода в станках-тазах, быстро вращаются щётки, коконы набухают, ловкие руки подбрасывают их в ловители, медленно начинает вращаться мотовило. Это идёт шёлк...

Фарида с самого начала учёбы мечтала стать мотальщицей, и когда она окончила ФЗУ, поммастера Рахим привел её к станку, где работала опытная запарщица Мавлюда Халикова. Недалеко на своих станках трудились стахановки в красных косынках, сёстры Хомутбаевы — Салия, Сара и Рахия, которые часто во время работы подзадоривали друг друга словами:

— Давай! Давай!

— Не уставай!

Они громко шлёпали коконами в ковшиках, быстро меняли воду в тазах и внимательно следили за ловителями, где коконы доходили до кондиции, а потом по очереди бежали в весовую за новыми коконами. Их станки стояли рядом, и девушки старались помочь друг другу и поэтому всегда перевыполняли производственные задания.

Рядом с ними работали ученицы, которых те сами выбирали из принятых на работу, и девушки беспрекословно подчинялись их приказам и капризам, безропотно сносили их крики и замечания.

Софья НУРМАТОВА.

НЕЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ. ТРУДНЫЙ ШЁЛК. Ч. II

Продолжение. Начало в № 104

Фарида тоже на одну минуту как-то подошла к станкам стахановок и залюбовалась их работой. Сёстры действовали мастерски, без лишних движений. Они всем улыбались и, не переставая работать, отвечали на разные вопросы.

— Усталар — мастера своего дела, — громко сказал подошедший председатель фабкома.

— Если бы все так работали.

Он попросил сестёр после работы зайти к нему в кабинет, чтобы подготовиться к очередному слёту стахановцев города.

Потом в цех пришёл молоденький секретарь комитета комсомола фабрики и пригласил вновь прибывших на комсомольское собрание для распределения общественных поручений.

Фарида не раз наблюдала за работой девушек в красных косынках.

И ей тоже захотелось вот так непринуждённо закончить свою работу, остановить станок, снять с мотовил шёлк-сырец, перекинуться двумя-тремя словами с помощником мастера о сегодняшней выработке, пройти в гардеробную, переодеться и поспешить к проходной.

Вечером уставшая, но счастливая Фарида за ужином рассказывала родителям о своём первом трудовом дне...

Через 10 дней Фариду, вместе с ней вновь прибывших на работу и некоторых старших работниц вызвали к начальнику цеха, дело в том, что фабрика не выполнила месячный план, поэтому разговор был не очень приятный, всех предупредили, что при таких низких темпах работы их переведут работать уборщицами.

Фарида после этого разговора не пошла домой, осталась с разрешения поммастера во вторую смену. Почти всю смену у станков наблюдала, как опытные мотальщицы расправлялись с шёлковыми нитями. Сменщики много раз демонстрировали перед ней свои секреты работы, а она записывала увиденное и услышанное в ученическую тетрадь какими-то только ей понятными знаками, а потом, встав на их рабочие места, повторяла некоторые рабочие операции. Пока работницы, устав от назойливой ученицы, не послали её домой отдыхать:

— Маленькая ещё рекорды бить!

— Пора домой, а то мать будет ругать!

А Рисолят, обеспокоенная долгим отсутствием дочери, ждала у проходной, хотя знала, что с Фаридой ничего не случится, на фабрике в производственном отделе работал её брат Усман.

Ещё через 10 дней Фарида сама пришла в кабинет начальника цеха.

— Я тебя не вызывал, по сводкам, у тебя 102%. Постыдили тебя в прошлый раз, видно, за ум взялась, — с удовлетворением сказал он.

— Вот именно, за ум взялась! — Фарида, рассмеявшись, вышла из кабинета. Сегодня можно спокойно сходить в клуб, в библиотеку почитать газеты...

С тех пор Фарида меньше 100% выработки не давала. Когда возле неё работники отдела труда и зарплаты снимали хронометраж, по минутам и секундам расписывали процесс работы, она очень внимательно и старательно выполняла все операции, как опытная мотальщица.

На глазах подруг Фарида быстро повзрослела, становилась строже, спокойнее, к ней стали тянуться молодые работницы. По заданию секретаря комитета комсомола Фарида стала готовить в цехе политинформацию, посещала кружок политграмоты на фабрике...

Коллектив первого кокономотального был интернациональным. Здесь трудились русские, узбеки, кыргызы, азербайджанцы. К ним в бригаду недавно приняли кыргыза Сатвалды, которого все стали называть Славиком. Это новое имя ему понравилось. Он хорошо трудился, и его по предложению руководства избрали заместителем бригадира.

В первом кокономотальном работало много русских: Рая Коробова, Наталья Алексеева, Вера Пашухина и другие. Они все очень хорошо работали. Фарида дружила со многими, и, как выяснилось, они все мечтали о рекордах...

Однажды, оставшись после работы в укромном уголке цеха, они решили, что если Сатвалды отправят на учёбу в техникум, куда он хотел поступить, то они справятся с работой впятером, тем самым сократив и в других бригадах смены одного мотальщика. Также девушки предложили расположить станки не рядами, как сейчас в цеху, а по кругу, в бригаде хватит и одной запарщицы. С этими предложениями во главе с опытными работницами они пришли после смены к главному технологу, который, внимательно выслушав их, сказал, что их предложения нерентабельны и будут вредить производству. Главный технолог велел заняться техминимумом, объяснив, что увеличение выпуска продукции зависит не от расположения станков, а от механизации и автоматизации производства, и предложил экскурсию во второй мотальный цех.

Во втором мотальном цехе на японских станках работницы вырабатывали больше, потому что многие процессы там были автоматизированы. Но поскольку второй цех стал действовать недавно и многие станки пока простаивали за счёт нехватки обученных кадров, то первому цеху удавалось за две смены вырабатывать больше шёлка-сырца, поэтому ему уделялось больше внимания.

Занятия по техминимуму нравились не всем, даже опытная запарщица Мавлюда Халикова долго не могла понять, что такое КПД и мощность двигателя, всё время спрашивала у товарок названия основных деталей станка. Может, занятия по техминимуму оказали своё воздействие, но теперь в первом цехе отстающих не было и на доске показателей возле фамилий работниц стояли только трёхзначные цифры...

Очень запомнился Фариде проведённый на фабрике в июне городской слёт стахановцев, на который под аплодисменты рабочих и звуки маршей в зал, украшенный флагами и лозунгами, торжественно вошли рабочие-стахановцы с красными лентами через плечо. Было много гостей.

Первым выступил директор фабрики Дзагнадзе, он сказал:

— Сейчас по всему Советскому Союзу у передовиков труда — донецкого шахтёра Алексея Стаханова, ивановских ткачих Евдокии и Марии Виноградовых — много последователей. Это горняки А. Семиволос и И. Янкин, машинисты З. Троицкий и Н. Лукин, трактористка П. Ангелина, доярка П. Малинина. Движение стахановцев распространилось и в Киргизии. В этом году среди стахановцев много горняков в текстильной промышленности. Из рабочих хлопкоочистительной промышленности большинство рабочих выдаёт продукцию на 120-150%. На переднем плане — металлурги республики, их новаторские бригады выполняют до двух норм!

Потом под звуки марша на сцену вышли передовики фабрики, и под громкие аплодисменты присутствующих в зале им пре- доставили слово:

— Я, Салия Хомутбаева, обещаю народу и товарищу Сталину выполнять нормы выработки на 150% и выдавать в день по 1кг 500 граммов шёлка-сырца!

— Я, Анна Коротеева, обещаю выполнять ежедневный план на 130%!

— Я, слесарь Николай Козин, обещаю, что в своей смене буду обеспечивать работу станков на 120%!..

Потом под громкие аплодисменты своё слово сказали стахановки Азизова, Салиева, Арнаутова, Зайцева, Бакалова, Аралбаева и другие...

Всем им вручили подарки, денежные премии. И, конечно же, цветы. Праздник в клубе продолжался до позднего вечера, перед рабочими выступали участники художественной самодеятельности, а потом были танцы под духовой оркестр...

Таким праздникам окружком придавал огромное значение, это способствовало, считали партийцы, повышению производительности труда, улучшению качества выпускаемой продукции, а также установлению в коллективе нормального трудового соперничества.

В конце 1930-х годов мощность шёлкомотальной фабрики превышала 80 тонн шёлка-сырца. Уделялось большое внимание внедрению рационализаторских предложений, многие инженерно-технические работники были направлены на учёбу в Промакадемию в

Москву. Рабочим давалась возможность повышать квалификацию на фабрике или в соседней республике, на фабриках Маргилана или Ферганы...

На заседании бюро горкома КП(б) Киргизии при распределении кураторов партийных ячеек предприятий и организаций Оша инструктор отдела пропаганды и агитации Виктор Петрович Заварзин попросил направить его на шёлкомотальную фабрику. Ему этот трудовой коллектив нравился, а его панибратское отношение к рабочим, которое он перенял у одного московского коллеги, приезжавшего в Ош, учить, как надо работать с массами, импонировало начальству фабрики, а небольшое знание киргизского языка вообще делало его своим человеком в коллективе.

Самое главное, считал он, надо знать производство.

И, ничуть не стесняясь, часами бродил между станками, слушая сбивчивые от волнения объяснения того или иного процесса работы мотальщиц, запарщиц, слесарей, электриков.

— Как же, сам работник горкома снизошёл к ним!

Потом он вникал в цифры и отчёты всех отделов, заходил на склад готовой продукции. Однажды, когда наглаженный Заварзин появился в лаборатории фабрики, там все забегали, наперебой стали объяснять основные параметры контроля качества шёлка-сырца. На глазах у инструктора из 32-килограммовой кипы брали мотки шёлковой нити и считали узелки, на каждый килограмм пряжи их допускалось определённое количество, иначе будет брак ткани...

Но главным для инструктора была идеологическая работа. После XVIII съезда ВКП(б), состоявшегося в марте 1939 года, на котором было объявлено, что Советский Союз вступил в полосу завершения построения социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, был поставлен вопрос об основной экономической задаче СССР — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Съезд выдвинул и некоторые теоретические вопросы, в частности о возможности построения коммунизма в отдельной стране, в Советском Союзе. В условиях «враждебного капиталистического окружения». Такие вот дела...

Съезд утвердил 3-й пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1938-1942 годы, важнейшими задачами которого были значительный рост технического потенциала всех отраслей народного хозяйства, всемерное развитие машиностроения и всей тяжёлой промышленности, улучшение организации и технологии производства, качественный рост производственных кадров.

«Партия является руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных, и обеспечивает успешное построение коммунистического общества в нашей стране», — было объявлено на съезде. Теперь партия решала всё. Кого взять на работу, кого уволить. И не только это. Такие вот дела...

В связи с этим стало уделяться большое внимание росту и укреплению компартии за счёт, как говорили тогда, пополнения её рядов преданными делу коммунизма передовыми рабочими, крестьянами и интеллигенцией, так как в связи с репрессиями и чистками в 1932-1938 годы ряды компартии заметно поредели.

В связи с такими задачами усиливалось, как считали тогда, значение идеологической работы в массах. Эту работу необходимо было направить на коммунистическое

воспитание советского человека, формирование его убеждённости в торжестве идей марксизма-ленинизма, готовности быть активными и сознательными борцами за претворение в жизнь политики партии, в осуществлении экономических и социально-политических задач, которые выдвигались перед советским народом. Такие вот дела...

Как считали тогда теоретики компартии, ведущее место в укреплении политической сознательности, идейной убеждённости народа занимала пропаганда идей марксизма-ленинизма в неразрывной связи с историей ВКП (б).

Поэтому ознакомление трудящихся с жизнью и деятельностью В. Ленина, правда, не всегда правдивой и в большинстве своём надуманной с его теоретическим наследием, проводилось систематически, но особенно она активизировалась в связи с празднованием 70-летия со дня его рождения (1940 г.).

Стотысячным тиражом была издана биография Ленина, готовилось четвёртое издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Велась подготовка полного собрания произведений Маркса и Энгельса на языке оригинала. В связи с 90-летием «Манифеста Коммунистической партии» он был переведён на языки народов СССР и выпущен отдельной книгой.

Значительно увеличился выпуск произведений классиков марксизма-ленинизма на языках народов СССР. ЦК КП (б) уделял этому вопросу большое внимание, неоднократно обсуждал его, созывал совещания представителей ЦК компартий республик, обкомов автономных республик. В конце 1930-х годов впервые произведения Маркса и Энгельса были переведены на кыргызский, туркменский, таджикский и некоторые другие языки. В конце 1930-х годов произведения классиков издавались в СССР на 97 языках. Как считалось тогда, расширение публикаций трудов Маркса, Ленина, Сталина содействовало повышению уровня идеологической работы...

На шёлкомотальной фабрике изучение биографий и произведений классиков проводилось регулярно на занятиях кружков политической грамоты. Рабочие корпели над их биографиями и книгами, близко воспринимая написанные теоретиками от компартии придуманные и приукрашенные их биографии. Удивлялись и изумлялись их жизнью, делами и характерами, стремились им подражать, наделяя их сверхъестественными качествами и преклоняясь перед ними. Часто, не понимая смысл их философских трудов, малограмотные и совсем неграмотные рабочие добросовестно слушали на занятиях политграмоты витиеватые статьи классиков марксизма-ленинизма, которые им зачитывали лекторы и пропагандисты горкома.

Кроме того, согласно программам и планам идеологической работы, рабочие должны были изучать биографии деятелей ВКП (б) и правительства Советского Союза: К. Ворошилова, Ф. Дзержинского, М. Калинина, С. Кирова, С. Орджоникидзе, Я. Свердлов, И. Сталина и других.

— Как можно быть уверенным, что такое изучение биографий и статей классиков марксизма-ленинизма сформирует у народа идейную убеждённость или политическую сознательность? Все занятия носили групповой характер, индивидуальный опрос вообще не проводился, не было обратной связи. Никто не мог выразить своего отношения к той или иной работе классика, потому что многое в этих работах было непонятно, кроме того, никакого инакомыслия не допускалось, все ответы заучивались по готовым конспектам. А также словесная чехарда и демагогия инструкторов в интерпретации произведений рождали путаницу и мешали слушателям.

Так думал иногда инструктор отдела пропаганды и агитации Виктор Петрович Заварзин. Но никому не говорил о своих сомнениях. Ведь он сомневался не в самой идеологии, а в формах работы. Вечерами он допоздна записывал свои мысли в толстую тетрадь, но пока ни с кем не делился ими. Опасно...

Между тем вчера к ним в отдел пропаганды и агитации опять принесли ворох бумаг и инструкций. Тяжело вздохнув, Заварзин взялся за работу.

Надо было составить примерный план кружков, семинаров, ознакомить с этими планами руководителей агитколлективов и пропагандистских групп, которые сформировались на предприятиях в учреждениях города, чтобы организовать беседы по присланным из ЦК Киргизии актуальным вопросам внутренней и внешней политики компартии и государства, а также по проблемам международного положения и атеизма.

Причём вопросам атеизма на тот момент придавалось большое значение, они были на контроле отдела пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии (организовывались гонения на служителей культа, при большом стечении народа закрывались мечети, велся учёт верующих). Работы в отделе было много...

После очередного XVIII съезда ВКП (б) перед укрупнёнными и усиленными отделами пропаганды и агитации на местах стояли большие задачи. Во-первых, требовалось вести большую работу по изучению всеми трудящимися материалов XVIII съезда ВКП (б), Конституции СССР и Киргизской ССР, в связи с этим регулярно проводились митинги, вечера вопросов и ответов. На предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, был организован единый по всему Советскому Союзу политдень, основной вопрос которого еженедельно менялся, и для этого надо было подготовить определённую аудиторию. Во-вторых, надо было регулярно прорабатывать материалы центральных газет, организовывать в организациях их читку с последующим обсуждением, надо было контролировать работу республиканских, областных, городских газет и многотиражек по выпуску материалов об идеологической работе, держать связи со всеми СМИ, проводить подписку периодической печати населением. В-третьих, инструкторы отдела курировали работу домов культуры, парков, библиотек, музеев; руководили культурно-просветительной работой в городе (ликвидация неграмотности, малограмотности), оборонно-физкультурной работой, атеистическим воспитанием, организацией культурного досуга и быта, внедрением санитарно-гигиенических навыков среди населения и многое другое...

Учитывая, что мировоззрение человека формируется с детских лет и юношества, теоретики идеологической работы уделяли пристальное внимание работе пионерских и комсомольских организаций учебных заведений, разрабатывали для будущего поколения основные критерии работы этих организаций, считая, что именно в этих организациях школьники проходят первую практику общественно-политической работы.

И пионеры, и комсомольцы тех времён с подачи взрослых тётей и дядей не только по-деловому организовывали трудовые десанты и субботники, при свете костров и красногалстучной братии торжественно обещали жить и учиться по-ленински, по-коммунистически, но и обсуждали вопросы собственного участия в приближении светлого будущего всего человечества, коммунизма...

Ещё в ноябре 1938 года вышло постановление ЦК ВКП (б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)», и теперь основу политического просвещения должно было составить изучение этой книги, одним из авторов которой считался Сталин. И, как думали идеологи компартии того времени,

появление такого учебника, одобренного ЦК ВКП (б), в котором сжато и доходчиво излагалась история партии, имело большое значение не только для сети партийной учёбы, но и для всей пропагандистской и массово-политической работы. Вот так-то!

В сентябре 1938 года «Краткий курс ВКП (б)» был полностью опубликован на страницах «Правды» и других газет и журналов, зачитывался на радио. В короткий срок он был переведён на языки народов СССР и ряда других иностранных языков. В 1938-1939 годах книга издавалась на 48 языках. На русском языке её тираж равнялся 12 миллионов экземпляров, на других — 4,2 миллиона. Таким образом «Краткий курс ВКП (б)» был адресован, как говорили тогда, всей партии, всему советскому народу и действительно означал крупное событие в идейной жизни страны.

Именно в это время центральным комитетом партии были определены формы и методы по изучению этой книги, партийным организациям предлагалась единая трёхступенчатая система усвоения «Краткого курса ВКП (б)» в соответствии с уровнем подготовки коммунистов: в сокращённом объёме, полностью и с привлечением первоисточников. И всё это должно было происходить без отрыва от производства!

Как основной метод партийной учёбы был рекомендован метод самостоятельного изучения партийной литературы. К тому времени уже сложились для этого, как считали теоретики, определённые условия. Вот так-то! Ведь свыше трети состава партии имели высшее, среднее и неполное среднее образование. То есть значительная часть коммунистов обладала достаточной подготовкой и навыками, как говорили тогда, политического самообразования. Что предполагало после изучения курса участие во всевозможных конференциях. Для этого создавались консультационные пункты, опытные пропагандисты выезжали в партийные организации, организовывались университеты выходного дня, в которых проводились лекции и семинары.

Для тех, кто не имел должного образования, так как 20% коммунистов того времени не имели начального образования, а 40% коммунистов окончили лишь начальную школу, в партийных организациях предлагалось организовать кружковую работу политической учёбы по изучению «Краткого курса ВКП (б)». Эти кружки комплектовались по уровню образовательной и политической подготовки. Интересно, как они определяли политическую подготовку! Основной задачей работы этих кружков было повысить уровень знаний слушателей, добиться, как говорили тогда, более глубокого усвоения основ марксизма... В общем, сплошная демагогия!

С утра, получив взбучку от заведующего отделом пропаганды и агитации горкома, то есть от своего непосредственного начальника, за срыв лекции на хлебозаводе из-за неявки рабочих, Виктор Петрович Заварзин без настроя сел за телефон и стал обзванивать парторганизации, приглашая пропагандистов в горком на очередное совещание. Работы было много, но он быстро набросал план и тезисы своего выступления на совещании и отдал машинистке отпечатать.

На днях должен был решиться один очень важный для него вопрос, и он с замиранием сердца думал об этом, в общем-то не надеясь на благоприятный исход. Дело в том, что он был одним из кандидатов на учёбу в Высшую партийную школу, организованную при ЦК ВКП (б) в Москве этим летом. Документы его уже находились в орготделе ЦК КП (б) Киргизии, и скоро должен был прийти ответ.

Между тем претендентов от их парторганизации было целых шесть. Конкурс, как оказалось, был немаленький. И особых шансов оказаться среди счастливиц не было.

Так считали в аппарате горкома, так считал и он сам. Но в последнее время мечта учиться в семиглавой столице не покидала его...

Кроме толстой тетради, куда Заварзин перед сном записывал свои мысли и вёл дневник, у него почти каждый день были свободные от работы 10-15 минут, которые он затрачивал, чтобы добраться до того или иного предприятия или учреждения, иногда присылали фазтон. Город был небольшой, и Виктор Петрович старался ходить пешком.

Инструкторы отдела пропаганды и агитации мало сидели в своих кабинетах, работа требовала знать положение дел не только на прикрепленных предприятиях, но и в целом по городу.

По дороге он всегда осмысливал своё поведение в разных организациях, свои выступления перед очередной аудиторией, продумывал план очередной проверки работы партячейки или жалобы. Он ко всему тщательно готовился, никогда не опаздывал, его бумаги всегда были в порядке, аккуратно разложены и собственноручно прошиты. «Педант», «немец» называли его во всех организациях города. В аппаратах горкома и окружкома партии его считали асом в своей работе, не лицемером.

А лицемерие в этих коллективах тогда было на каждом шагу. Арест, доносы, страх быть в любую минуту заподозренным врагом народа и партии породили этой системой искусство не быть самим собой, а лицемерить. Ненавидеть окружающих, но льстить им, восхищаться ими, лгать и многое другое. Об этом думал Заварзин, идя в управление связи с проверкой жалобы на работу почты.

— Если такое творится здесь, что же происходит в высших эшелонах власти? — думал он.

Недавно в его жизни и жизни его коллег произошло много разных событий. В Оше прокатилась волна арестов некоторых местных руководящих работников, которая превратилась в огромную трагедию их больших семей. Всё было непросто. Случайно, а может, не случайно обронённое слово способствовало краху нескольких авторитетных кланов города. И поэтому сегодня ему пришлось задуматься над тактикой своего поведения: в любом случае никому не высказывать своих чувств и своего отношения ко всему.

А ведь он планировал приглашённых на сегодняшний вечер пропагандистов с предприятий ознакомить с некоторыми записями в своём дневнике.

— А для этого надо, — решил он, — освободиться от разных ненужных мыслей и в первую очередь от дневника.

— Ведь если кто-нибудь случайно прочтает его дневник, то быть Заварзину не в Москве, не даже в Оше, а на Колыме, — ужаснулся он.

— Никаких ревизионистских мыслей, никаких сомнений, — приказал он сегодня сам себе.

— А то причислят его и его слушателей к лагерю троцкистов. И тогда «пойдут прахом» все его лишения и ранения на гражданской войне, все его труды и испытания в Средней Азии, в этом жарком и пыльном Оше, — сокрушался он.

В глубине души он давно хотел вернуться на Родину, на Смоленщину, очень мечтал работать в Москве, в аппарате ЦК. И считал, что он достоин этого.

Однако на сегодня партия решила, что он в Средней Азии нужнее. Сейчас здесь у него неплохая работа, крепкая семья, двое детей. Есть друзья, хоть и ненадолго. Партийную номенклатуру всегда трясло от постоянных рокировок. Одного его приятеля, заведомом горкома, послали секретарём на Дальний Восток, другого — в Туркмению, не говоря уже о постоянных кадровых перестановках в аппаратах районов, городов, окружкома, ЦК республики. Были и аресты...

Разобравшись в управлении связи с жалобой, после обеда Заварзин стал готовиться к совещанию пропагандистов. Для каждой парторганизации он подготовил библиотечку новых поступлений партийной литературы. Потом секретарша из приёмной первого секретаря горкома принесла ворох памяток и инструкций пропагандисткой работы и проверке парт-ячеек. Когда он стал их раскладывать для приглашённых пропагандистов из хлебозавода, гормилиции, шёлкомотальной фабрики, горторга, типографии, артели «Гайрат», из приёмной секретаря горкома позвонили и сказали, что его вызывает первый.

— Наверное, за срыв лекций на хлебозаводе, — подумал Заварзин.

И, не закрывая кабинет, побежал на второй этаж, предупредив секретаршу отдела, чтобы она пропустила в его кабинет приглашённых пропагандистов.

Софья НУРМАТОВА.

НЕЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ. ТРУДНЫЙ ШЁЛК. Ч. III

В приёмной первого сидело несколько человек, это были главврач областной больницы и директор радиоузла, других — двух молодых женщин и мужчину средних лет — Заварзин не знал.

— У нас сегодня утверждения на два увольнения и три приёма на работу, — шепнула ему секретарша, — успеете провести своё совещание.

— Как шеф освободится, я вам позвоню, — пообещала она.

— Да не переживайте вы так, всё будет хорошо, — заметив его расстроенное лицо, сказала секретарша...

А в его кабинете уже все были в сборе: Даниил Корнеев с хлебозавода, Фарида Якубова с шёлкомотальной фабрики, Залкар Борубаев из городской милиции. Они уже ознакомились с новой литературой, потом подошли Антонина Кравченко с горторга, Хамид Сабиров из типографии, Айша Кайыпова из артели «Гайрат».

— Все в сборе? Можно начинать? — спросил Виктор Петрович.

— Мы готовы! — ответили хором пропагандисты, показывая ему свои блокноты и карандаши.

В отделе пропаганды и агитации требовали, чтобы посетители приходили сюда «во всеоружии».

Инструктор отдела пропаганды тоже подготовился. Вначале он раздал библиотечки книг, в которых было по несколько «Кратких курсов истории ВКП (б)», брошюры с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, планы и программы по ведению пропагандистской работы и много другой литературы.

Потом Заварзин стал объяснять, как надо вести кружковую работу при изучении «Краткого курса ВКП (б)», предварительно узнав, сколько кружков в каждой организации. Как выяснилось, таких кружков на хлебозаводе было 2, на шёлкомотальной фабрике — 3, в типографии — 1, в гормилиции — 1, в артели «Гайрат» — 2.

Дело в том, что у рабочих-коммунистов, занимающихся в кружках, было начальное образование, среди них были и малограмотные. Они вступили в партию в период басмачества и хорошо проявили себя в борьбе за советскую власть. В настоящее время они хорошо трудились и с большим удовольствием посещали кружки политграмоты. Хотя, многое не понимая в трудах классиков, эти рабочие считали себя и были для окружающих авангардом, как в труде, так и в политической жизни.

Среди них были и другие рабочие, это вновь прибывший контингент, в основном неграмотные дехкане из ближайших сел. Их набрали для работы на шёлкомотальной фабрике командированные для этих целей бригады и мастера фабрики.

— Этим рабочим надо уделять особое внимание, помогать им, чтобы они научились хорошо работать и понимали положение в стране, — не раз подчёркивал в своих выступлениях Заварзин...

Пока пропагандисты знакомились с новинками литературы, Заварзин ещё раз решил подняться в приёмную секретаря. Посетителей там уже не было, утверждение на приём на работу было перенесено на завтра. Секретарь готовил своё выступление на бюро окружкома.

— Я как раз хотела вам позвонить, — сказала секретарша. — Шеф сейчас вас примет, проходите в кабинет, пожалуйста.

Уже был поздний вечер, и в кабинете первого секретаря горел свет. Хозяин кабинета сидел за столом и что-то писал.

— Здравствуйте, — тихо произнёс Заварзин. — Я насчёт срыва лекции на хлебозаводе, — виновато начал он. — Я в курсе, — встал из-за стола первый. Я вызвал вас по другому вопросу, — сказал секретарь. Мне сегодня позвонили из Фрунзе, вы направляетесь в Москву слушателем в Высшую партийную школу от нашей городской парторганизации, поздравляю, — сказал он торжественно и пожал Заварзину руку.

— С завтрашнего дня вы свободны, передайте дела заведомо, на днях решим вопрос о вашем преемнике. Завтра бухгалтерия всё подготовит: командировочные, проездные. Даём вам два дня на сборы. Как устроитесь, перевезёте семью.

— Да, да, да, — машинально отвечал на всё Заварзин. Наконец-то свершилась его мечта! Он будет учиться в Москве!

И впереди у него такие большие перспективы!

Поблагодарив первого за хорошую новость, Заварзин буквально вылетел из кабинета. Секретарша долго не могла понять, почему у провинившегося инструктора было такое счастливое лицо. А Заварзин, не чуя под собой ног, сменил выражение лица и быстрыми шагами направился к своему кабинету.

Об открывшейся этим летом в Москве ВППШ в то время было немало разговоров. Говорили, что теперь партшкола — это хороший трамплин к продвижению по службе, после окончания которой слушателя ждёт назначение не ниже инструктора ЦК КП(б) Киргизии или заведомо окружкома, или на худой конец должность секретаря райкома или горкома партии. В любом случае ожидалось повышение по службе...

Когда Заварзин подошёл к своему кабинету, оттуда доносились радостные голоса и смех. Как оказалось, Антонина Кравченко получила телеграмму о том, чтобы она привезла в отдел ЦК ВКП (б) документы на реабилитацию своего мужа. В Москве нашлись люди, которые поверили в невиновность Иосифа Кравченко, арестованного и объявленного врагом народа по его деятельности во время гражданской войны на юге Киргизии.

А Виктор Петрович тоже поделился своей радостью, и все стали его поздравлять, давать напутствия на дорогу. Только Фарида, услышав об отъезде Заварзина, нахмутив брови молча сидела в сторонке. Потом, собрав книги, тихо прошептала:

— Как же мы теперь без вас?

У неё на глазах появились слёзы:

— А я хотела в партию вступить.

Потом вытерла слёзы и громко, уверенно сказала:

— Я тоже буду учиться!

— Правильно! — заплодировали все...

Когда после многочисленных пожеланий, обменов адресами и проводов рабочие ушли, было очень поздно. На улице было совсем темно. В вестибюле горкома ярко горели лампы электрической люстры. Около раздевалки никого не было, а дежурный милиционер терпеливо объяснял двум запоздалым посетителям, что приём уже окончен.

Виктор Петрович, вернувшись в свой кабинет, стал собираться. Аккуратно собрал со стола бумаги, поправил книги на этажерке, из ящиков стола вытряхнул огрызки карандашей, кусочки резинок, старые шпаргалки и черновики, сложил в свой старый кожаный портфель свои вещи. Он понимал, что ему трудно будет расстаться с коллегами из горкома партии, где он проработал некоторое время. И что он никогда не забудет рабочих, служащих предприятий, перед которыми он часто выступал, и тех пропагандистов, с которыми он работал.

Ему понравился этот древний город Ош с красивой горой Сулейманкой, которой он любовался каждый день, и рекой Ак-Буурой, в которой они с детьми купались до поздней осени. Он узнал об этих достопримечательностях много интересных историй и рассказывал их гостям, приезжающим из Фрунзе и Москвы.

Оказывается, он проработал в Оше около 10 лет и чувствовал, что больше сюда уже не вернётся. За это время он полюбил этот город, его новые и старые улочки, откуда в общем-то иногда трудно было выбраться. Он запомнил роскошный базар, на котором продавались горы фруктов и овощей, стучали молотками кузнецы, тут же шили на заказ любую одежду и обувь, рядом шумел скотный базар и было всегда полно народу. Он думал, что никогда не забудет эти скверы и прекрасный парк с серебристыми тополями. А самое главное, он полюбил жителей города — простых и добродушных людей, которых уже знал не только по именам, но и по их делам.

Собирая свои бумаги, Заварзин думал:

— Как изменчив мир!

Совсем недавно, как вчерашним вечером, он планировал сегодня познакомиться с записями в своём дневнике эту группу, как он считал, думающих пропагандистов. Хотел поделиться с ними своими мыслями о ведении пропагандистской работы, о своих сомнениях по поводу ведения в стране идеологической работы. А сегодня он пришёл к решению, что о тетради и её записях никто не должен знать. Главное, он не должен ввязывать в это дело простых рабочих, которые ему всегда верили и уважали.

— И сделал это вовремя!

В Москву он должен ехать с открытой душой и чистым сердцем. Известное выражение Маркса «Предавай всё сомнениям!» он дополнил своим сегодняшним открытием:

— Если сомневаешься, то сомневайся в одиночку!

Он вытащил из сейфа свой дневник с записями, затолкал его в уже переполненный портфель и позвонил жене:

— Затопи баню, я уже выхожу!

— Сегодня же не суббота, — заволновалась она.

— У меня для тебя есть сюрприз, — загадочно ответил ей Заварзин...

И потом в Высшей партийной школе и на партийной работе, куда бы ни забрасывала его судьба, он часто вспоминал, как в топке бани горела его тетрадь. Сначала в огне задымила коленкоровая обложка, потом, когда воздух разметал в разные стороны страницы его

дневника, тетрадь вспыхнула ярким пламенем и быстро сгорела дотла, превратившись в маленькую чёрную головешку.

Этот огонь навсегда рассеял все сомнения в душе бывшего инструктора отдела пропаганды и агитации и нового слушателя Высшей партийной школы Виктора Петровича Заварзина. Тогда-то он решил, что теперь будет жить, как в армии, не обсуждая приказы и не подставляя своих друзей и товарищей...

Бишкек.

Послесловие

Рассказ «Трудный шёлк» является частью романа «Время Тельца», в котором представлена жизнь населения юга Киргизии в 30-е годы прошлого столетия. Когда в нашей стране, тогда СССР, коммунистическая партия большевиков — детище Ленина и Октябрьской революции, объявив себя «руководящим ядром», решала всё.

Партия организовывала деятельность отраслей экономики, промышленности, сельского хозяйства, торговли. Руководила учреждениями медицины, образования, ведала, конечно, и кадровыми вопросами, кого принять, а кого уволить с того или иного поста.

Это был период, когда самоотверженный труд во имя Родины был главным в жизни народа, а бездельников судили и презирали. Это было время страшных сталинских репрессий и усиленной идеологической пропаганды.

В данной повести представлены трудовые будни рабочих одного из предприятий союзного значения — Шёлкокомбината имени ВЛКСМ в Оше. В конце 1980-х годов на нём трудилось около 10 тысяч рабочих. Здесь вырабатывались миллионы метров шёлка, который шёл на экспорт, за границей за ошскую продукцию платили валютой.

Мне посчастливилось наблюдать за деятельностью этого огромного предприятия, я хорошо знала многих рядовых ткачих, бригадиров, руководителей. Но в 1990-е, после распада СССР, комбинат, как и многие предприятия союзного значения, прекратил своё существование...

В этом произведении я постаралась рассказать о небольшом периоде из истории деятельности этого огромного комбината, о котором знали не только в Союзе, но и за рубежом. Самое главное, мне хотелось поведать о тружениках этого предприятия, каких было много в нашей стране, тогда СССР. Представленные факты и фамилии все реальные.

Это было время жестоких перемен, но оно не уничтожило человеческих понятий о преданности Родине, трудолюбия, любви, честности, других нравственных качеств, того, что определяет жизнь.

Софья НУРМАТОВА.